

Марина
СЕРОВА

Выше только
НЕБО

РУССКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

Марина С. Серова
Сказано – сделано
Серия «Частный детектив
Татьяна Иванова»

Текст предоставлен издательством «Эксмо»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=148085

Серова М. С. Выше только небо. Сказано – сделано: Повести: Эксмо;

М.; 2004

ISBN 5-699-05311-5

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	26
Глава 3	45
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Марина СЕРОВА

СКАЗАНО – СДЕЛАНО

Глава 1

Позднему звонку в дверь я могу быть рада только в двух случаях: если, открыв гостю, я увижу сногшибательного блондина с обворожительной улыбкой и если посетителем окажется клиент, который вручит мне задаток за расследование нового дела. Будет еще лучше, если передо мною предстанет платежеспособный красавец, для которого работать и рисковать жизнью – одно удовольствие.

Но сегодня, похоже, я не улыбнусь даже Брюсу Уиллису, специально для меня сбежавшему со съемочной площадки. Просто усталость навалилась с такой силой, что я даже не обращала особого внимания на кофейный аромат, долетающий из моей не совсем убранной кухни. Рекламодатели, как всегда, наврали: этот кофе не смог взбодрить даже хрупкую двадцатисемилетнюю женщину, не говоря уж об огромном слоне, чьи уши каждый день простые граждане лицезреют на экранах своих телевизоров. Хотя вообще-то меня нельзя назвать ни хрупкой женщиной, ни простой гражданкой, потому что я – частный детектив с прозвищем, наводящим ужас на всех, кто хотя бы единожды встречался со мной на узкой

дорожке. Ведьма – это не только мое второе имя, это – стиль жизни, которому я верна, если верить рассказам моих родителей, с самых пеленок.

Когда звонки в дверь стали напоминать сверлящие и пронизывающие насквозь звуки бормашины, я все-таки решила подняться с постели. Музыкальный центр крутил диск моего любимого Эроса Рамазотти, и только его мягкий чарующий голос не позволил мне схватить пистолет и в ярости направить ствол на незваного гостя, нарушившего мой вечерний покой.

Запахнув махровый халат и сунув ноги в пушистые тапочки, я сначала добрела до кухни, выключила кофеварку и только потом направилась в прихожую. Мощный трезвон так и не смолкал. От негодования я не пожелала даже посмотреть в «глазок», что, по правде говоря, совсем бы не помешало сделать: друзей у меня из-за моей профессии намного меньше, чем врагов, и на тускло освещенной лестничной клетке за дверью мог оказаться не улыбающийся красавец с букетом роз, как мне хотелось бы, а бритый мордоворот, нанятый каким-нибудь очередным недоброжелателем.

Резко, от раздражения, распахнутая дверь с грохотом ударила о стену, я гордо тряхнула своими шикарными волосами и увидела наконец темный силуэт наглеца, трезвонящего в мою квартиру среди ночи.

– Вам кого? – сдерживая совсем не положительные эмоции, спросила я и тут же, не удержавшись от ехидного заме-

чания, добавила: – Наверное, неотложку?

– Из-звините, из-звините, – забормотал темный человек.

Голоса его я не узнавала. Да если бы даже это был мой знакомый, я все равно не смогла бы сообразить, кому принадлежит его баритон. Поздний гость настолько сильно волновался, что заикался и хрипел, поэтому я и терялась в догадках – знаю я его или нет.

– Вы точно ко мне? У вас ко мне есть дело? – попыталась я добиться вразумительного ответа.

– Да, Татьяна, я к вам. Очень, очень срочно... вас нужно... мне, – напрочь забыв о правильном построении русских предложений, прохрипел визитер, судя по силуэту, мужчина далеко не хилой комплекции, делая настойчивый шаг вперед.

Раздумывать было некогда. Еще чуть-чуть, и этот неуклюжий медведь сам впихнул бы меня в мою собственную квартиру, потому что ему, кажется, действительно приспичило со мной поговорить. И я, сразу же исключив из нашего общения все известные мне церемонии, связанные с приемом гостей, провела «медведя» в зал, вслушиваясь в его неразборчивый, но далеко не детский лепет.

– Татьяна, вы мне очень нужны! – почти взмолился он без всяких прологов и предварительных объяснений.

– Что это? Объяснение в любви? – усмехнувшись, спросила я и пригласила гостя присесть. – Не волнуйтесь же вы так! Вы хотите, чтобы я помогла вам?

– Да, сестра говорила, что вы очень хороший детектив. Как только я про это вспомнил, то сразу же к вам и пришел.

Ну вот, какая-то сестра всплыла... Значит, объяснение в любви точно отменяется, хотя было бы интересно выслушать его от такого представительного мужчины. После своей непродолжительной речи гость резко обмяк, совсем бесцеремонно грохнулся на мой любимый диван, обхватил свою курчавую голову двумя огромными ладонями и затих. Что уж он там себе думал, не знаю, но, без сомнения, ему было невесело.

– Хорошо, хорошо, я вам обязательно помогу. Только успокойтесь вы, ради бога! Кто ваша сестра? Я помогу вам.

Повторяя успокоительные фразы, я постаралась устранить две здоровенных руки, закрывавшие понравившееся мне лицо гостя. Моя интуиция и мой профессионализм в два голоса, одновременно, сообщили о том, что сегодня Таня Иванова – очень хорошая девочка, так как она (то есть я, разумеется) совершила достойный поступок, за который ей не придется краснеть пред потомками, если таковые у нее когда-нибудь появятся. А поступок этот заключается в том, что я впустила в дом добрейшей души человека, который, к сожалению, попал в наигнуснейшую историю, требующую моего немедленного вмешательства. Несмотря на усталость, во мне тут же проснулся азарт детектива, и я превратилась в сплошное внимание.

– Моя сестра – Ира Сомова. Помните такую? Она – ваша

одноклассница. Но это неважно. Я пришел совсем по другому делу.

Я, конечно же, помнила Иру, но никакого сходства между ней и этим огромным человеком не находила. Пока я занималась сравнительным анализом их внешности, гость проронил фразу, которая кольнула меня в самое сердце, хотя мне не раз приходилось слышать такие слова. Мой ночной гость тихо произнес, все так же придушенно, хрипло:

– Я ее не убивал.

После такого признания я не на шутку напряглась.

Сомов сглотнул и продолжил, стараясь держать себя в руках:

– Сейчас в моей квартире прямо на полу лежит мертвая девушка. Она застрелена. Я перевернул ее, она точно не дышит, – обреченно закончил гость и снова обхватил свой лоб трясущимися руками.

Для убитого горем человека он достаточно точно сформулировал свою мысль, но больше не смог произнести ни слова.

Никогда не страдавшая от приверженности к романтическим переживаниям и изъяснениям, я от неожиданности не удержалась – приложила руку к груди и издала довольно избитое восклицание «Ох!», вслед за чем горячий румянец на лице моего гостя сменился смертельной бледностью. Видимо, «медведь» тут же подумал, что если уж я отреагировала на его сообщение столь бурно, то ему не остается ниче-

го иного, кроме как спрыгнуть с моего балкона. Наверное, именно это он и собрался сделать, вскочив с дивана и подавшись в направлении окна, но к тому времени я уже смогла овладеть ситуацией и снова стать настоящей Таней Ивановой – грозой всех непослушных мальчиков и девочек.

– Стой, стой, я тебе верю! Я знаю, что ты не убийца, – придав своему голосу всю возможную убежденность, я пресекла это его движение и самым дружеским тоном продолжила: – Мы обязательно что-нибудь придумаем. Только прежде надо подумать, что именно мы будем придумывать.

Но на размышления у меня было не так уж много времени. Кофе попить, конечно, уже не придется, но вот сигарета, кажется, не помешает нам обоим. Поэтому я предложила гостю закурить.

Детина остановился посреди комнаты, потом снова рухнул на мой диван и окутал себя сигаретным дымом.

– Кто она, эта девушка? Ты ее знаешь? – начала я прояснять ситуацию. Сомов утвердительно кивнул, но рта открыть так и не смог, и я увидела, что его красивые голубые глаза наполнились слезами. – Как она оказалась в твоей квартире?

Ответа не последовало. Тут мне показалось, что еще немного, и брат Сомовой потеряет сознание прямо у меня на диване. Нужно было срочно приводить его в чувство. Я помню Иру и не могла допустить, чтобы ее братишка так страдал.

Стакан холодной минералки немного оживил Сомова. По крайней мере, он начал реагировать на мои вопросы, прав-

да, не очень адекватно, все еще погруженный в собственные мысли и переживания.

– Где твоя квартира? Мне нужно ее осмотреть, – изо всех сил пробивалась я сквозь его броню самопогруженности.

Тут Сомов, как немощный старец, неуклюже полез в карман кожаной куртки необъятного размера и принялся сосредоточенно что-то в нем искать, бормоча:

– Сейчас, минуточку... где-то они были... У меня много есть, ты не волнуйся...

– Ты о деньгах? – сообразив, о чем это он, спросила я.

– Да, я заплачу, ты не думай...

Наконец Сомов действительно достал из бездонного, как мне показалось, кармана несколько скомканных долларовых купюр и дрожащей рукой протянул их мне.

– Вот, только помоги. Найди убийцу.

– Слишком много, – покачала я головой. – Обычно сначала я беру только задаток. Остальное доплатишь потом.

Но Сомов не хотел слышать никаких отказов и отговорок. Решив, что отказываться от честно заработанных денег глупо, даже если их дает брат моей одноклассницы, я все-таки взяла всю сумму. Покончив с вопросом оплаты, мой новый клиент устремился на выход.

– Подожди, я переоденусь! – крикнула я ему, бросаясь из зала в ванную и захватывая нужные мне вещи, беспорядочно разбросанные на стульях и креслах.

По-солдатски быстро облачившись в походные джинсы,

теплый свитер и легкую осеннюю куртку, я, естественно, не забыла о сумке, в которой лежали все необходимые для любого расследования вещи. А потом попросила Сомова собраться с мыслями и взять себя в руки. Поскольку действовать необходимо быстро.

– Да, да, я уже иду, иду, – с готовностью откликнулся он, но продолжал еще двигаться еле-еле. В этот момент молодой мужчина, который, скорее всего, обладал недюжинной физической силой, был похож на дряхлого бомжа, с трудом вставшего с нагретой лавки.

Но сейчас мне было не до жалости. Передо мной стояла очень простая задача: кого-то убили, мне заплатили, значит, я должна найти убийцу. Вот и все.

* * *

Оказалось, добраться до места преступления я смогла бы и без куртки. Нам не пришлось даже садиться в машину, потому что Сомов, как оказалось, жил в соседней десятиэтажке, построенной всего лишь месяц назад. Мысленно прикинув, сколько стоят квартиры в этом красивом и интересно спроектированном здании в виде букв «зю», я не без оснований решила, что брат Ирины явно преуспевает в жизни. Поэтому, взяв у него двойной залог, я нисколько его не ограбила.

Поднимаясь по лестнице на третий этаж, я вспомнила о

том, что раньше семья Сомовых не могла похвастать избытком денег. Наоборот, их всегда не хватало. Даже на самые необходимые вещи, такие, например, как тетрадки и ручки, которые первого сентября лежали в портфелях у всех моих одноклассников, исключая Иру Сомову. Классная руководительница этим возмущалась, но ничего не предпринимала, потому что знала, что алкоголик-отец купит скорее очередную «чекушку», чем школьные принадлежности и одежду для детей.

Когда мы с Сомовым остановились у железной и еще не покрашенной двери его квартиры, я вспомнила и другое: однажды, классе в десятом, Ирина по секрету рассказала мне о том, что бедность в ее семье временная, что где-то в Америке живет богатый родственник, и когда они получают наследство, то просто озолотятся. «Нужно будет расспросить об этом у Сомова», – подумала я, глядя на его сгорбленную фигуру. Надо же – растерянный, прямо-таки раздавленный свалившимся на него испытанием, еще молодой, красивый и явно сильный до того мужчина вызывал в моей душе самую настоящую женскую жалость, которая, как я думала, уже давно умерла или, по крайней мере, погрузилась в долгий, летаргический сон.

Руки Сомова тряслись так, что связка ключей превратилась в этакий музыкальный инструмент для извлечения не совсем гармоничных звуков. И тут я сообразила, что до сих пор не знаю имени своего нового клиента. Конечно, Ира на-

верняка говорила, как зовут ее старшего брата, но моя память не зафиксировала его имя, тем более что раньше я с ним никогда не встречалась. Сомов рано начал жить без родительского покровительства, поэтому дома у Иры я его и не видела.

– Сомов, а как тебя зовут-то?

Звук моего голоса заставил моего клиента-гиганта вздрогнуть и резко повернуться.

– Да не пугайся ты так, – снова начала я его успокаивать. – Я с тобой. Я тебе помогу. А я, ты же сам говорил, – хороший детектив.

Говорить мне приходилось шепотом, потому что «светиться» перед соседскими «глазками», встроенными во все двери на лестничной площадке, не хотелось.

– Иннокентий я, Кеша, – сообщил здоровяк и вдруг выругался: – Черт! Замок не поддается, как будто не моя квартира. Ну что ты будешь делать...

На площадке горела дешевенькая тусклая лампочка. На более яркое освещение богатые хозяева почему-то не спешили разориться. Этот подъезд вообще, как мне показалось, – находка для бандитов всех мастей. Пустынный и довольно темный. Вполне подходящий для убийства девушки. Только, если убийство и правда произошло в подъезде, зачем кому-то понадобилось тащить ее в квартиру Сомова? Что-то темнит мой новый знакомый... Или его подставляют... И тогда возникает вопрос – кто и для чего?

Размышляя таким образом, я отодвинула от двери Иннокентия и легко открыла замок отмычкой из своего набора. Над ним потрудился один из самых известных медвежатников города, которого впоследствии я все-таки посадила. Поступить по-другому было просто невозможно, несмотря на то что была ему весьма признательна.

Дверь оказалась послушнее, чем я думала. Она легко поддалась, и мы с Иннокентием вошли внутрь. Ничего зловещего, нужно отметить, я не увидела. А ведь, слушая нечленораздельные всхлипы Сомова, представляла, что начиная с самого порога вся квартира будет залита кровью. Но ничего подобного не наблюдалось.

Лампочка в прихожей горела. Похоже, хозяин, выбегая в ужасе из квартиры, забыл обо всем на свете, не говоря уже о том, чтобы щелкнуть выключателем. И тут я услышала голос Сомова и поняла, что затащить его в комнату, где находится труп, будет не так уж легко.

– Я туда не пойду. Иди одна, а я здесь постою, – заявил он довольно уверенно.

– О, да у тебя голос прорезался! – откликнулась я и все же пока весьма миролюбиво предложила: – Пойдем-пойдем, у нас мало времени.

– Почему это у нас мало времени? Я тебя не тороплю...

Ничего себе! Неужели этот здоровячок настолько наивен и думает, что я не вызову милицию? Но это против моих правил. В конце концов, я – частный детектив, а не гусыня,

прячущая под свое крыло всех несправедливо обиженных. Хотя, надо признаться, если обидели моего клиента действительно несправедливо, то его я обязательно спрячу, но заодно могу и ущипнуть, причем больно, если он не будет поступать так, как распоряжусь я.

– Ты идешь первым, я – за тобой, – такова была моя команда. Я решила, что робкий Кеша в таком подавленном состоянии никакого другого языка, кроме приказного, не поймет.

Но он упирался, как маленький ребенок.

– Нет, не пойду.

– Тогда я отказываюсь расследовать это дело! Понятно? – твердо заявила я и сделала шаг назад, по направлению к входной двери.

Мой расчет оказался верным.

– Хорошо, хорошо, согласен. Уже иду, – раздался поспешный отклик.

Сомов выдохнул, как обреченный на вечные муки, но все-таки медленно побрел в «комнату ужасов».

Там, на мое удивление, было темно. Как Сомов мог разглядеть труп в такой темноте, непонятно. Лично я ничего не видела, даже несмотря на то, что в прихожей горел свет.

– Где выключатель?

Сомов протянул руку. Я поняла это по неприятному скрипу его кожаной куртки. Щелчок, свет и... я ему поверила. В его квартире действительно произошло убийство. Теперь

я со спокойной совестью отбросила подсознательные сомнения в буйном помешательстве брата Ирины. А они несколько раз подряд за время общения с ним невольно приходили мне в голову, настолько странным казалось его поведение.

Убитая лежала на спине. Ее тело мягко покоилось на высоком и густом ворсе дорогого ковра. Крови не было. Только на белоснежной блузке бросалось в глаза маленькое алое пятно. Стреляли в сердце. Наверное, почти в упор. Ее руки были аккуратно сложены, как у покойников, которых по всем правилам кладут в гроб. Ноги выпрямлены, глаза закрыты, лицо безмятежно. Казалось, что девушка просто заснула, предварительно испачкавшись вкусным клубничным вареньем.

– Итак, Иннокентий, у нас есть несколько минут. Сейчас я вызываю милицию. Они приедут уже через семь-десять минут. За это время ты должен рассказать мне все, что знаешь об убитой. Соберись с мыслями, пока я набираю номер телефона.

Я действительно достала свой сотовый и набрала две заветные цифры, с детства известные каждому человеку.

– Алло, милиция? Обнаружен труп молодой девушки. В частной квартире.

Дежурный записал адрес, который, как страшную тайну, прошептал мне на ухо мой подопечный. Снова увидев убитую, он опять раскис, поник и, по-моему, вообще перестал соображать. По крайней мере, свой собственный адрес он

вспомнил не сразу, с явным трудом.

Вызов приняли, после чего у нас с Сомовым начался очень напряженный разговор, во время которого я вспомнила время работы в местной прокуратуре, где начала оттачивать умение вести допрос.

– Ее имя?

– Инна, – прохрипел Иннокентий.

– Точнее! Ее фамилия?

– Гольстер.

– Адрес?

– Полтавская, 40, квартира 25.

– Откуда такие точные сведения? Вы хорошо знакомы? – продолжила я свой блиц-допрос.

– Она – дочь моего директора.

– Директора? Где ты работаешь?

Это усугубляло ситуацию. У подчиненного может быть множество причин для того, чтобы убить дочь своего шефа. Например, месть. За что угодно. Например, за то, что требования становятся жестче, а зарплата ниже. Хотя это уж слишком. Неужели бедная девочка могла пострадать из-за того, что господину Сомову не повысили зарплату, как он рассчитывал?

– Какие у вас отношения с шефом?

Вопрос, конечно, банальный, но задать его было необходимо.

– Хорошие. Отличные, я бы даже сказал, – с недоумением

глядя на меня, ответил Сомов.

Да, теперь он начнет клясться в вечной любви к своему многоуважаемому директору. Ну ничего, проверить это будет несложно. Достаточно опросить сотрудников, которые работают вместе с Сомовым и Гольстером.

– Какая у тебя должность?

Задавая свои вопросы, я вовсе не стояла, как хрестоматийный следователь с блокнотом и ручкой в руках, а двигалась, как собака-ищейка, по квартире, заглядывала в каждую щелку, надеясь найти какую-нибудь улику до приезда милицейской машины. Но ничего интересного и важного мне не попадалось.

Квартира Сомова была еще не полностью обставлена. Новая мягкая мебель стояла нераспакованной.

– Ты не видел оружия, из которого застрелена Инна?

– Нет, конечно.

– Не ври мне, Кеша. Весь наш разговор записывается на диктофон. Если он будет чистосердечным, у тебя появится много шансов спастись.

Я действительно включила свой походный диктофон, лежащий в сумке. Запись, конечно, высоким качеством отличаться не будет, но это все-таки лучше, чем вообще ничего.

– Не видел я никакого оружия, – откликнулся Иннокентий. – Правда, правда!

Сомов подошел к стене, уперся в нее головой и, как мне показалось, начал впадать в истерику. Этого мне еще не хва-

тало...

– Прекратить! – гаркнула я. Да, иногда приходится вести себя с клиентами совсем не так, как хотелось бы. – Я еще не обо всем тебя спросила. Ответь: ты живешь один в этой квартире?

– Нет, с женой.

– Дети есть?

– Нет.

Это я поняла и без него. На столе стояла фотография, вставленная в красивую деревянную рамку. Судя по этой фотографии, Сомовым нравилось существование, не обремененное хлопотами о подрастающем поколении.

– Где жена сейчас?

– В Германии, в командировке.

Понятно: наверняка бизнесвумен, раз муженек бизнесмен. Хотя что это я, о профессии Сомова еще речи не было. Так что пора полюбопытствовать.

– Кем работаешь?

– Главный инженер, занимаемся телефонами всех видов и калибров.

Слава богу, Иннокентий заговорил по-человечески. Наверное, воспоминание о жене немного успокоило.

– Как убитая попала в квартиру?

– Не знаю! – неожиданно заорал Сомов, но, спохватившись, извинился и ответил нормальным голосом: – Я правда не знаю, как она здесь оказалась.

– Когда ты пришел, входная дверь была закрыта?

– Не помню... не знаю...

– О господи, заладил, как попугай! Давай-ка соберись и вспомни: ты открывал свою дверь ключами, когда вернулся домой?

– Кажется, открывал.

– Так, открывал. А свет ты выключал, когда последний раз выходил из этой комнаты?

– Нет, – Сомов на несколько секунд призадумался, а потом уже твердо сказал: – Нет, не выключал. Это точно, потому что мне было не до света. Я очень испугался, увидев Инну мертвой, и выбежал на улицу.

Для меня было важно узнать это – кто выключил свет: убийца или Сомов? Если Сомов, увидев труп, обратился в бегство, то свет, значит, выключил тот, кто убил Инну Гольстер. А еще это значит, что нехороший человек, поднявший руку на юную особу, еще находился на месте преступления, когда хозяин вернулся домой. Отсюда вывод – самого Сомова не тронули сознательно. Однако круто его подставили, убив в квартире дочь его шефа. Интересно – для чего?

– Ты выбежал на улицу, и что было потом?

– Потом я побежал к тебе. Ира много о тебе рассказывала. Я сразу вспомнил про это и решил, что мне сможешь помочь только ты.

– Да, ты это уже говорил. Значит, ты понимаешь, что тебе все-таки придется посидеть... на окраине города?

Сомов опустил голову и тяжело засопел. Точь-в-точь как маленький ребенок, который не хочет, чтобы его ставили в угол.

– Но ведь я ее не убивал. За что я должен сидеть?

– Пока ты единственный подозреваемый. Инну убили не где-нибудь, а в твоей квартире.

В подъезде, на лестничной клетке слышались тяжелые шаги. В ночной тишине они звучали зловеще. Представляю, как забилося сердце затравленного Сомова. Я верила в его невиновность, но вот те, кто звонил сейчас в дверь квартиры, вряд ли со мной согласятся.

– Сомов, последний вопрос, – сказала я, когда мы уже подходили к входной двери. – Кто мог тебя подставить?

– Понятия не имею, кому это могло понадобиться. Я ведь просто работаю на Гольстера!

– Хорошо, я все поняла. Открывай!

Я выключила диктофон и приготовилась к встрече со своими «коллегами». Сомов открыл замок, и в квартиру ввалились вооруженные до зубов оперативники. На вопросы, посыпавшиеся на голову бедного Сомова, мы отвечали уже вдвоем.

Самый щупленький из милиционеров оказался самым старшим по званию. Это я определила сразу, несмотря на то что он почему-то был в гражданском. Именно он обратился ко мне со смешным вопросом:

– А вы, барышня, кем приходитесь хозяину квартиры?

– Частный детектив Татьяна Иванова, – чопорно представилась я.

Продолжать не было необходимости. Старший протянул руку и, расплывшись в улыбке, довольно зашевелил роскошными черными усами.

– Как же, как же! Знаем, слышали. Молодцом, девка, так держать!

Да, прозвучали его слова несколько фамильярно, но мне все равно стало приятно. Потому что обычно словосочетание «частный детектив» вызывает у милиционеров кривенькую ухмылочку, такую же, какую вызывает выступление самодеятельного коллектива у артистов, закончивших театральный институт. А этот хоть и грубовато, но все же оценил мою профессию. И я тоже приветственно улыбнулась.

В необжитой, неудобной квартире Сомовых закипела работа: оперативники приводили понятых, фотографировали, измеряли, опрашивали, искали... Кстати, искали то же, что и я незадолго до них, – орудие убийства. Но им в этом повезло больше.

У коренастого сержанта и его разыскной собаки нюх оказался намного лучше, чем у меня. Но у меня было оправдание – нехватка времени. Я не могла тянуть с вызовом милиции: со времени убийства и так прошло немало времени. Сомова могли обвинить еще и в том, что он не сразу сообщил о преступлении. Мол, ему потребовалось время, чтобы замести следы и спрятать оружие, из которого был произве-

ден выстрел.

Так вот молодой сержант, взмокший от усердных поисков и удерживания порывов сильной овчарки, разрезал ножом упаковку, в которой стоял до сих пор огромный велюровый диван, просунул руку куда-то вглубь и достал то, что мне найти не удалось, – пистолет. Это был пистолет.

– Сомов, это ваше оружие?

Глаза Иннокентия округлились.

– Нет-нет, это не мое, – Сомов замахал руками, увидев блестяще-черный пистолет, из которого, по всей видимости, и была убита Инна Гольстер.

– Хорошо, разберемся. Продолжим...

Я познакомилась со старшим по званию, и его фамилия не очень-то меня обрадовала – майор Никоненко был известен как человек самый «крутой», не любивший церемоний с подозреваемыми. Тем временем другой оперативник, капитан, усадил Сомова за пыльный стол и завалил моего клиента вопросами.

Сомов, как ни странно, перестал дергаться, хрипеть и сопеть, наконец-то заговорил нормальным голосом. В каждом вопросе слышался подвох, но робкому, очевидно, по природе Иннокентию было трудно осознать, что ему не верят и стараются сбить его с мысли, запутать и заставить произнести какую-нибудь двусмысленную фразу. Поэтому слова капитана: «Гражданин Сомов, вам придется поехать с нами», – прозвучали для моего клиента как окончательный приговор.

После них он как-то съежился, будто даже уменьшился в размерах, и снова погрузился в себя, в свои мысли. Сомов послушно, скрестив руки за спиной, побрел за сержантом с собакой.

Мою особу тоже не оставили без внимания.

– Танечка, – доверительно обратившись ко мне, снова зашевелил усами майор, – у меня к вам просьбочка: не лезьте в это дело. Оно сложнее, чем вы думаете. Частный детектив не справится с ним.

– Это почему же? – вскинулась я.

– В одиночку вы ничего не сможете сделать, – заявил Никоненко и демонстративно отвернулся.

С опозданием приехавшая бригада «Скорой помощи» подтвердила наступление смерти от огнестрельного оружия и быстро удалилась, оставив покойницу на попечение доблестной милиции. Впереди – различного рода экспертизы, о результатах которых меня, конечно же, оповестить отказались.

Возвратившись к себе домой, я вспомнила слова майора. Ну и наивный же он тип! Неужели думает, что у меня нет связей, которые облегчат расследование?

Было уже за полночь. Но наверху, несмотря на позднее время, продолжали праздновать чей-то день рождения и играла какая-то зверская музыка, способная вывести из себя даже Таню Иванову, не говоря уже о более слабонервных соседях. Нервничать я не стала, а просто надела наушники,

чтобы отгородиться от чужой музыки. Потом достала свои любимые гадательные «кости» и устроилась на разложенном диване. Три магических двенадцатигранных кубика еще ни разу меня не подводили, точно предсказывая развитие событий и ближайшее будущее.

Дело Иннокентия Сомова сразу представилось мне не из легких, поэтому без гадания я даже и не рискну начать это расследование.

Итак, братишка Иры Сомовой, кто же тебя, сердечного, так не любит? И за что тебя так кинули? Вот мой вопрос.

«Кости» стукнулись друг о друга и покорно легли в такой вот последовательности: 7+18+27.

Да, очень интересная получилась троица. Если бы мне выпало такое, я бы скакала до потолка, несмотря на свой вполне взрослый возраст. Такая комбинация чисел трактуется очень коротко, но емко: «Звезды предвещают вам в будущем богатство». Ничего себе! Обыкновенный инженер, работающий в частной фирме, имеет не так уж и много шансов разбогатеть. А вот Сомов, если верить моему гаданию, разбогатеет. Знает ли об этом возможном богатстве еще кто-нибудь, кроме самого счастливого?

Глава 2

Наутро я не проснулась. Мои глаза смогли раскрыться только ближе к полудню. Конечно, сначала я подумала только о чашке кофе, а вовсе не о своем новом клиенте. Про Сомова думать не хотелось и не могло, но одного взгляда на зеленые бумажки, полученные вчера в качестве залога и небрежно брошенные на столе, пробудили голос совести, который заставил меня быть более мобильной и энергичной.

Увидев в зеркале свои растрепанные волосы, я пришла в ярость. Частный детектив не может позволить себе выглядеть, как малолетняя и не совсем чистая неформалка. Итак, сначала душ, потом парикмахерская, и уж потом займемся делом.

Сидя в кресле и следя за умелыми руками моей постоянной парикмахерши, которая по совместительству является и моей старинной подругой, я старалась распланировать свой день. Светка сегодня была не в духе. Она молча колдовала с моими волосами, разговор не клеился, и у меня было время и возможность подумать о том, что следует предпринять в первую очередь. Что-что, а думать я люблю. Просто медом не корми, дай мне подумать и поломать мозги над какой-нибудь жизненной задачей со множеством неизвестных. Только, как правило, этим множеством оказываются по большей части преступники разного масштаба. Вот они-то

и напрягают меня больше всего на свете. Так и получилось, что мое хобби и работа постепенно стали синонимами. Хотя на работенку, если честно, я не жалею – умеренное количество адреналина никому не причиняет вреда, наоборот, только продлевает молодость.

Когда моя голова наконец-то была приведена в порядок, Светка сердито сказала:

– Ой, Тань, завозилась я с тобой, а у меня сейчас важная клиентка по записи.

– Что за фифа? – пошутила я. Очень уж мне не нравилось Светкино настроение.

– Да ты ее не знаешь. Она совсем недавно в этом районе живет. Зато шастает к нам в парикмахерскую чуть ли не каждый день. Сомова ее фамилия.

Это совпадение мне не показалось случайным.

– А имя?

– Вера, – хмыкнула Светка. – И откуда только деньги взялись? Ритка Сидорова, маникюрша, знает ее с детства. Так вот она говорит, что Вера замужем за обыкновенным инженером. И вдруг укладки каждый день делает, волосы лечит, то да се. А у нас салон, сама знаешь, не из дешевых. Откуда такие возможности, я тебя спрашиваю?

Я расхохоталась. Мне всегда нравилась непосредственность моей подруги и ее чрезмерная категоричность в оценках персон женского пола. Особенно тех из них, которые имеют преуспевающих мужей.

– А когда она должна прийти?

– Утром звонила. Сказала, что к часу подойдет. Значит, уже скоро. А что, ты ее знаешь?

– Ее – нет, а вот с мужем вчера познакомились. Он сейчас в СИЗО пребывает.

– А, понятно... Ты постаралась, упекла мужика, – неожиданно обрадовалась Светка. – Ну тогда, наверное, она не придет. Так ей и надо. Будет знать, как в парикмахерскую каждый день шастать.

– А что ты так обрадовалась? Неужели она такая противная?

– Да не люблю я этих богатеньких женушек. Сидит, как мумия, рта не откроет, не поговорит. Как будто я не человек вовсе.

Светка энергично сунула ножницы в передний карман своего стильного фартучка и вдруг... подобострастно заулыбалась. Не мне, конечно, а ей – своей постоянной клиентке – Вере Сомовой, которая в тот момент появилась в зале.

Я сразу узнала эту эффектную брюнетку. Она практически не изменилась с того времени, когда фотографировалась вместе со своим великаном-мужем. Хорошо, что я при осмотре квартиры заметила ту пыльную фотографию.

Я попрощалась со Светкой, но уходить из парикмахерской вовсе не собиралась – уселась на стул, чтобы терпеливо дожидаться очереди к маникюрше Рите, прикидываясь замученной домохозяйкой, которая наконец-то решила приве-

сти себя в порядок. Но маскировка оказалась излишней, потому что Вера не обращала ни малейшего внимания ни на сотрудников, ни на клиенток парикмахерской. Очень изящным движением сняв черную широкополую шляпу и длинный плащ из тонкой кожи, она легко приземлилась в удобное кресло и, медленно объяснив то, что желает видеть у себя на голове, принялась наблюдать за действиями засуетившейся вдруг Светки.

Несмотря на то что красавице Тане Ивановой редко нравятся представительницы женского пола, Вера произвела на меня исключительное впечатление. Если бы мне пришлось бороться с ней за мужчину, я бы не поручилась за то, что смогу выиграть у нее эту любовную битву. Высока, не худышка, но в меру упитанна. Настоящая русская красавица с пышным бюстом и прекрасными чертами лица. Особенно меня поразили Верины брови. Они придавали ее лицу необыкновенное выражение. Казалось, что эта женщина стремится взлететь под самые облака и пребывает здесь, на земле, только из-за того, что искупает свои, не ведомые никому грехи.

Наблюдение за Сомовой я вела не только из-за женского любопытства. Конечно, я люблю совать свой нос в разного рода всячину, но в этом случае передо мной стояла совсем другая цель. Нужно было узнать, известно ли Сомовой о судьбе ее мужа, замешана ли она в этом преступлении и каким образом оказалась в городе, если, по словам Сомова,

она в данный момент должна доблестно исполнять служебный долг, то есть находиться в заграничной командировке. Странно, однако, получается: муж думает, что Вера любит-ся Кельнским собором и слушает тяжеловесную болтовню добропорядочных немцев, а она, понимаете ли, травит волосы ядовитой смесью, желая назло матушке-природе стать блондинкой.

Хотя ничего особенно загадочного тут, наверное, нет. В конце концов, каждой уважающей себя современной бизнесвумен полагается иметь любовника, а лучше – сразу нескольких. Вполне возможно, это тот самый случай. Банально, неинтересно, но что делать? Хотя, мне кажется, Вера не из тех, кто строит свою жизнь по шаблону. Что она за человек, мне пока неизвестно, но вполне вероятно, что преступление не обошлось без ее участия.

Итак, мне нужно поговорить с Верой, но это позже. Сейчас я прослежу за ней, а потом поеду к отцу убитой девушки.

Вот они – чудеса парикмахерского искусства: садилась в кресло брюнетка, а встала из него рыжеволосая молодая женщина. Как будто больше всего на свете она хотела коренным образом поменять свою жизнь, решив сначала изменить цвет шикарных длинных волос, которые ложились на плечи нежными волнами.

Вера задумчиво поднялась из кресла, еще раз взглянула на себя в зеркало и вдруг, обреченно махнув рукой, сказала, чуть повысив свой колоритный, довольно низкий для жен-

щины голос:

– Нет, я хочу изменить прическу. Кардинально. Постригите меня коротко. Но стильно.

Светка скорчила изумленную гримасу и открыла было рот для того, чтобы отговорить ненормальную клиентку стричь волосы, которые просто обязаны воспеть поэты в своих бессмертных творениях. Но на лице Веры явно читалось, что она не считает нужным слушать советы парикмахерши, и Светка промолчала.

Маникюрша, обрабатывавшая мои ноготки, оказалась слишком проворной и непростительно быстро закончила свою работу. Она переключилась на другую клиентку, а я расплатилась и вышла из парикмахерской. Несмотря на ноябрьский холод, солнце все еще старалось обогреть прохожих, поэтому я решила, что не замерзну, если постою с полчаса на улице. В такой погожий денек не хотелось залезать в салон моей «боевой подружки» – бежевой «девятки».

Стоя недалеко от парикмахерской, я сквозь стекло витрины следила за Вериными действиями. Сначала она спокойно сидела и безучастно наблюдала за тем, как разноцветный кафель покрывается рыжими волнистыми локонами, потом терпеливо выдержала укладку, сушку, затем степенно расплатилась со Светкой и как ни в чем не бывало продефилировала в вестибюль. Там Вера надела широкие темные очки, шляпу и плащ. Потом она быстрым шагом вышла из салона, подошла к проезжей части, не обратив на меня ни

малейшего внимания, остановила частника и уехала.

Уже сидя за рулем своей машины и не выпуская из виду такси, автомобиль, в котором сидела Сомова, я думала о том, что поведение Веры, мягко говоря, не совсем соответствует поведению женщины, муж которой сегодня ночью загремел в тюрьму за убийство. Вообще вся эта поспешная смена имиджа, на мой взгляд, – прием элементарной конспирации. Но для чего она потребовалась? Выходит, Вере есть что скрывать? Или она сама скрывается от неизвестного преследователя?

Нервно обгоняя старую «копейку», мешавшую мне видеть машину с Верой, я поймала себя на мысли, что ужасно переживаю за чету Сомовых. Такое со мной случается редко. Мне интуитивно нравились и Иннокентий, и Вера, но все-таки меня не покидало ощущение, что один из них лжет, пытается что-то скрыть. Что именно? Вину? Для следствия у Веры есть железное алиби – во время убийства она находилась в заграничной командировке. Но тогда к чему весь этот маскарад? И каким образом она оказалась сегодня в городе? Только что вернулась, что ли?

Я старалась не отпускать далеко от себя выдавший виды «Опель», на котором с бешеной скоростью мчалась Вера. Кажется, Сомова пообещала сполна заплатить за то, чтобы водитель всю дорогу не убирал ногу с педали газа, постоянно нарушая правила дорожного движения. На счастье, доблестная ГИБДД отсутствовала на этом участке, и поэтому нару-

шители добрались до пункта назначения без осложнений и всего лишь за полчаса. И я вслед за ними.

При более медленной езде мы выехали бы за город только через минут пятьдесят. Когда «Опель» свернул направо, я сбросила скорость и проехала несколько метров вперед. Остановившись под огромным кленом, я выскочила из машины, добежала до поворота и увидела, что «Опель» с неизвестным мне водителем и с загадочной пассажиркой остановился, не выключая мотора, возле убогого деревянного домишки. Вера вышла и быстро направилась – почти побежала! – к этому строению, совершенно не соответствовавшему своим видом облику стильной и хорошо одетой гостьи, а машина, которая ее привезла, развернулась и медленно поехала обратно. У меня были все основания полагать, что я осталась незамеченной.

Интересное получается кино, думала я, маршируя около своей «девятки»: муж находится под следствием, а жена едет за город, изменив внешность практически до неузнаваемости. Здесь что-то не так... Я на сто процентов уверена, что Вера знает больше мужа, поэтому и приехала сюда.

Сев в машину, я принялась решать – нужно ли мне сейчас идти за Верой и попытаться поговорить с ней или отложить этот важный разговор на некоторое время, до тех пор, пока не выяснятся новые обстоятельства?

«Думай, Таня, думай, не зря же тебя зовут Ведьмой. Ведьма – значит, умная», – твердила я себе, все-таки направляясь

к перекошенному деревянному дому.

Я сразу заметила, что на улицу не выходило ни одного окна. Было одно, только заколоченное. Но, по всей вероятности, дом все-таки являлся обитаемым. На веревках во дворе болталось цветное платье, наверное, самого огромного размера, какой может быть, и тут же висела выцветшая детская рубашонка. В общем, передо мной предстала ее величество нищета в самом расцвете своего убожества.

Я огляделась. Место здесь, кажется, небезопасное, но я недаром взяла с собой сумочку, в которой много всякой разной всячины, включая и пистолет. Итак, я все же постучала в ветхую дверь. И как тут люди живут, особенно в такой холод?

Дверь долго не открывали, внутри поднялась паника. Я слышала, как хозяева суетятся, бегают по комнате и судорожно перешептываются. Это еще больше усилило подозрения в том, что Вера скрывается от всего белого света.

Представшее передо мной лицо сморщенной старушки явно принадлежало не моей «подопечной».

– А Вера здесь? – прикидываясь робким созданием, еле слышно спросила я и совершила большую ошибку, потому что бабка оказалась тоже не промах. Она скорчила недовольную мину и показала на ухо, прикидываясь глухой.

– Вера Сомова здесь? – уже громче произнесла я, понимая, что Вера просто не хочет показывать мне свое новое личико.

Старуха недовольно шмыгнула носом и хриплым, как у пьяницы, голосом сказала:

– Нету у нас никакой Веры. Ходят тут всякие...

– Но я видела, что она вошла сюда! – воскликнула я и позвала: – Вера, не бойтесь, я хочу вам помочь. Только и всего!

Господи, что это со мной? Заговорила каким-то ангельским голосочком да еще таким тоном, будто всю жизнь пожертвования для монастыря собирала. С чего вдруг я прониклась такой безудержной жалостью к семейке Сомовых? Не в деньгах же дело!

Но Вера затаилась, не желая со мной беседовать. Однако так аудиенция не состоится. Что ж, придется действовать как обычно – то есть не совсем деликатно и законно.

Я слегка приобняла мило встретившую меня старушку за плечики и подтолкнула ее назад. Хозяйка ойкнула и, слабо сопротивляясь, попятилась в глубину своей хибары.

– Пардон, бабуля... Вы вот здесь врете, понимаете ли, а Верин муж между тем в СИЗО прохлаждается. Вам не стыдно, Вера?

Этот вопрос я задала, уже глядя в глаза моей «подопечной».

– Что вам нужно? – театрально возмутилась Вера.

Ого! Такой прыти я не ожидала, наивно предполагая по наблюдениям со стороны, на расстоянии, что Вера принадлежит к племени робких барышень, которые и на старости

лет зачитываются любовными романами, робеют и краснеют по каждому поводу. И вот, оказалось, ошиблась. Вера, может быть, и не является по натуре лидером, но жизнь явно научила ее в некоторые моменты выпускать красиво накрашенные коготки и впиваться ими в лицо врага. Но мне, естественно, вовсе не хотелось подставлять под них свое милое личико, поэтому я быстренько смягчилась и в тоне, и в манерах и очень-очень нежно спросила:

– Вера, можно с вами поговорить?

Но Вера, несмотря на то что я воплощала собой саму невинность и доброту, оставалась непреклонной:

– Я не желаю с вами разговаривать! Уходите!

– Но я хочу поговорить с вами о вашем же муже! Вы хотя бы знаете, что ему грозит тюрьма?

Вера резким движением расстегнула свою элегантную – дорогую, фирменную – сумочку, достала из нее трубку сотового телефона и заявила, зло сощутив глаза:

– Если ты сейчас же не уйдешь, то сама загремишь в тюрьму, потому что я вызову милицию!

– Не нужно, я уже ухожу, – пошла я на попятный. – Но если вы захотите мне что-то рассказать, то позвоните вот по этому телефону.

Вера даже не протянула руки, чтобы взять мою визитку. Я сунула ее в фартук старухи-хозяйки и гордой походкой пошла к машине. Правда, по дороге из-за этой самой гордой походки влетела обеими ногами в хоть и неглубокую, но гряз-

ную лужу, забрызгав свои светлые джинсы, но все равно я осталась уверенной – мне удалось произвести впечатление на мою новую знакомую. Теперь Вера знает, как меня зовут и кто я такая. Наверняка сразу же после моего ухода она прочитала визитку. К сожалению, мне пока непонятно, на чьей стороне Вера – на стороне убийцы или своего мужа. Будем надеяться, Сомова – хорошая жена хотя бы в том смысле, что не станет вредить своей «второй половине».

Как только я захлопнула дверцу машины, хлынул ливень и гроыхнул гром. Такого буйства и урагана осенью не бывало! По крайней мере, я не могу этого припомнить. Дождь лил плотной стеной, которая периодически склонялась то в одну, то в другую сторону, повинаясь порывам ветра.

На подъезде к городу я решила даже остановиться. Впереди не было видно ни дороги, ни неба, ни земли. Движение здесь более оживленное, чем за городом, поэтому риск непредвиденной встречи с другим автомобилистом был огромным. Мы просто могли столкнуться посреди дороги, и тогда от знаменитого детектива и красивейшей женщины по имени Таня Иванова не осталось бы и жалкой тени.

«Дворники» работали с бешеной силой и все равно с трудом справлялись с тем количеством воды, которое обрушивалось на лобовое стекло моей несчастной верной «девятки». Было три часа дня, но все рисковавшие продолжать движение машины ехали, а вернее, тащились с включенными фарами. Я съехала на обочину и решила переждать этот

неожиданный природный катаклизм.

Мимо меня на довольно высокой для такой непогоды скорости промчалась зеленая «Газель». Она окатила мою машину с ног до головы, оставив после себя очень яркое воспоминание. Я недовольно хмыкнула, прибавила звук магнитолы и завела мотор, надеясь, что небесный водопад вот-вот прекратится и я смогу наконец тронуться с места. И тут увидела необычное: зеленая «Газель» где-то там, за завесой дождя, развернулась и так же целеустремленно понеслась обратно. У меня возникло впечатление, будто на трассе сейчас отрабатывается каскадерский трюк для какого-нибудь захватывающего боевика. Но «кино» меня заинтересовало еще больше, когда ненормальный каскадер решил... пойти буквально на таран: он перекрыл мне дорогу, остановившись прямо перед капотом моей машины.

Выходить из уютного салона «девятки» под ливень мне совсем не хотелось, но после всего, что я увидела, терпеть такой беспредел я не собиралась. Еще ни разу в жизни мой обидчик не оставался ненаказанным! Я приготовилась к крупному столкновению и совсем было решила нырнуть под струи дождя, ожидая увидеть в кабине микроавтобуса матерого шоферюгу с кулаками-кувалдами. Но тут из «Газели» легко выпрыгнула... длинноногая Вера и, слегка пригнувшись, под дождем подбежала к моему окну.

– Откройте, мне нужно поговорить, – потребовала она.

Ну вот! Теперь ей, что называется, приспичило! Помча-

лась за мной под таким ливнем...

Я, не задумываясь, жестом показала Вере, чтобы она сядила на переднее сиденье рядом со мной. Пока она обегала мою «девятку», «Газель» отчалила. Видимо, Вера остановила первую попавшуюся машину и попросила водителя во что бы то ни стало догнать бежевую «девятку». Ясно, после моего ухода она очень быстро опомнилась и все-таки решилась на откровенный разговор. Интересно, что она собирается мне сказать?

– Вас, кажется, зовут Татьяной, – усевшись рядом со мной и тяжело вздохнув, первой заговорила Вера Сомова.

– Да, до сегодняшнего дня меня так звали, – не удержалась и съехидничала я, но тут же об этом пожалела. Не в моих правилах портить отношения с людьми, которые каким-либо образом могут помочь в расследовании преступления.

– Мне нужна ваша помощь, – как-то робко взглянув на меня, пояснила Вера. – Извините меня. Наверное, это звучит странно... только что я не хотела вам открывать, можно сказать – выгнала вас и тут же обращаюсь с просьбой.

Вера закрыла глаза и замолчала. Я видела, как она тяжело дышит и нервно теребит свой шелковый шарфик, как пытается и не решается начать разговор.

– Конечно, Вера, конечно, – успокоила я женщину. – Я могу вам помочь. Вам и вашему мужу. Я работаю на него. А если я работаю на него, то это значит, что и на вас. Правильно?

– Да. То есть нет... – раздался странный ответ. Я видела, что Вера сильно запуталась в своих чувствах и поступках. Она хотела что-то объяснить, но, видимо, не находила слов.

– Как вас понимать? Вы хотите сказать, у вас с мужем уже не такие отношения, чтобы я смогла помогать вам обоим?

Вот это я закрутила! Сама не поняла, что сказала, умница тоже нашлась. Сомовой сейчас явно не до самоанализа и воспоминаний о совместно прожитых годах с великаном-мужем.

– Да, в последнее время у нас не все ладилось. То есть я все еще люблю его, но...

Вера разрыдалась и опять не смогла закончить фразу. И вообще мне показалось, что она вот-вот выскочит из машины и скроется за пеленой дождя. Вот так запросто убежит от меня, так ничего и не сказав.

– Что «но», что? – торопила я Сомову.

А она просто плакала.

– Дело в том, что мне угрожают. Я не могу сказать больше, извините, – сквозь рыдания прошептала Вера.

– Поэтому вам и нужна моя помощь? – настаивала я.

Но Сомова вдруг передумала. Она начала успокаиваться, и слова посыпались сами собой, только совсем не те, которые я ожидала услышать.

– Нет-нет, лично мне уже ничего не нужно, – твердила Вера. – Просто я не хочу впутывать вас в этот кошмар. Мне все равно уже не жить. Меня преследуют. Но вам, Таня, я сове-

тую отступить от дела моего мужа. Его все равно упекут в тюрьму.

Вера совсем перестала плакать, но все равно ничего не хотела мне рассказывать. Утверждала только, что, по ее мнению, чем меньше я знаю, тем длиннее будет моя жизнь.

Но я тоже не отступала.

– Это очень опасные люди? – попыталась хоть что-нибудь выведать я.

– Да, да! Мой муж уже пострадал. Следующей жертвой буду я.

– Пострадал не только ваш муж, – продолжала убеждать Сомову я. – Вы знаете о смерти Инны Гольстер? Она найдена убитой на полу в вашей квартире.

Я увидела, что Вера резко побледнела. Кровь буквально отхлынула от ее лица. Оно стало совсем белым и застывшим, как у покойника.

– Да, бедная девочка. Она была такой доброй, красивой и юной.

Вера совершенно выбилась из сил. Я подумала, что хорошо было бы отвезти ее домой, а потом продолжить свое расследование. Сомова казалась запуганной до такой степени, что советовать ей что-либо сейчас было бессмысленно. В ее глазах затаился один лишь страх.

– Вера, вы устали. Вам нужно отдохнуть. Когда вы придете в себя, мы снова встретимся и вы мне все расскажете. Хорошо? Я отвезу вас туда, куда вы скажете.

– Нет, мне нельзя появляться в городе. Если меня найдут, мне грозят крупные неприятности. В лучшем случае меня тоже упекут в тюрьму, в худшем...

– Хорошо, хорошо. Куда вас отвезти?

– Обратно. В тот самый дом, в котором вы меня выследили.

Меня нисколько не задело это слово: слишком часто мне приходится действительно выслеживать людей, постоянно держа их в поле зрения. Я улыбнулась, завела мотор, развернулась и довезла Сомову до той убогой хибары, в которой она решила скрываться от своих врагов.

– Вера, но вы ведь не можете прятаться здесь вечно?

– Да, конечно. Думаю, мне нужно переждать какое-то время... А потом я уеду. Далеко, в другой город. А может быть, даже придется уехать из страны. Если будет на что, конечно, – горько усмехнулась женщина.

– Понятно. Вера, а можно я задам вам еще один вопрос? Он касается вашего мужа и Инны Гольстер. Какие у них были отношения?

Вера рассмеялась. Ее смех напомнил мне одного сумасшедшего, живущего в соседнем подъезде моего дома. Он тоже так хохотал – закинув голову и широко раскрыв рот. А после того, как он переставал смеяться, его душил плач. Слезы тонкими струйками катились по щекам, а жалостливая детвора принималась успокаивать несчастного шизофреника, нафантазировавшего себе что-то, совершенно невообра-

зимое для нормального человека. Но Вера Сомова не сошла с ума, она просто оказалась в тупике и пыталась выбраться из него в одиночку.

Немного успокоившись, Вера сказала:

– Нет, Таня, вы находитесь на неправильном пути, если сомневаетесь в порядочности моего мужа. Это кристальной души человек. Он не мог сделать своей любовницей семнадцатилетнюю девушку, тем более такую, как Инна. У него вообще не было любовниц.

Вера протянула руку к двери, но я все-таки задержала ее, задав еще один, теперь уже точно последний на сегодня вопрос:

– Зачем же вы меня все-таки догнали, раз не хотите ничего говорить?

– Это была ошибка. Всего лишь ошибка. Решила свалить на вас свои проблемы. Но опомнилась вовремя. Нет уж. Я сама разберусь. Да, и еще. Таня, прошу вас никому не говорить о том, где я нахожусь. А вам я почему-то доверяю.

На прощание Вера только кивнула головой. Не став дожидаться моего ответа, она вышла из машины и скрылась за обшарпанной дверью старого дома.

Итак, что можно сказать на данном этапе расследования? Неожиданная встреча с женой Сомова только подлила масла в огонь: мое любопытство разгоралось со все большей силой, и мне уже не терпелось встретиться с отцом Инны. Теперь нужно знать об убитой девушке больше, чем она знала о са-

мой себе.

Но сначала – получасовой отдых и, конечно, обед. А то, не дай бог, последую за бедной Инной и с головой окунусь в прелести райской жизни, но только произойдет это по другой причине – от истощения, а по-русски говоря – с голодухи.

Глава 3

Мой обед никогда не растягивался более чем на пятнадцать минут. Я быстро заглотила все, что было съестного в холодильнике, даже не потрудившись сделать порядочные, то есть многослойные, какими я себя иногда балую, бутерброды. Колбаса, сыр с маслом, два кусочка хлеба, йогурт и кофе – вот все, что мне потребовалось для поддержания жизненного тонуса. Мое тело и дух воспряли, а это значит, что я снова – королева из королев на своем нелегком сыщицком поприще.

Доедая последний бутерброд, я подумала о том, что из-за спешки с вызовом милиции мне не удалось выудить из Сомова необходимого количества полезной информации. Нет, конечно, знала я уже немало, но все равно недостаточно для продолжения расследования. Например, я даже не знаю названия фирмы, в которой работал Сомов. Слава богу, хоть фамилию шефа догадалась спросить.

Порывшись в старой записной книжке, которую по предусмотрительности своей, а лучше сказать – благодаря природной матушке-лени, не выбросила вместе с прочей макулатурой, я обнаружила телефон сестры Сомова – Ирины. Вот она удивится, когда услышит мой голос... Ведь мы не виделись с ней уже несколько лет. Я набрала номер и, к своему удовольствию, услышала именно Ирину.

– Привет! Я так рада, что ты мне позвонила, – затараторила моя школьная подруга. – У нас произошло такое! В общем, только ты мне можешь помочь.

Что именно произошло в семействе Сомовых, я уже знала. Но все-таки мне пришлось выслушать жалобы и просьбы Ирины, которая умоляла вытащить ее старшего братишку из тюрьмы.

– Ирин, не волнуйся, именно этим я в данный момент и занимаюсь.

– Как это?

– Он сам прибежал за мной. Как видишь, наша дружба с тобой не прошла бесследно, – пошутила я.

Ирина засмеялась, но даже смех ее был грустным, безрадостным. Я понимала, что она пережила тяжелейший стресс, поэтому не обращала внимания на ее истеричные смешки и замечания.

– Ира, а как называется фирма, в которой работал твой Кеша?

– «Стартел». Это где-то в Фабричном районе. Я там не была, точного адреса не знаю.

– Ой, вот это названьице, язык свернешь.

– Да уж! Кстати, фамилия его шефа тоже не из легких. Гольстер Вячеслав Павлович.

– Это мне уже известно. Ну ладно, Ириш, обещаю, что твой брат скоро будет на свободе. Ты же веришь, что он не виновен?

Как оказалось, мой вопрос смутил сестру Сомова немного больше, чем я ожидала. Она вдруг примолкла.

– Ира, алло... Ты меня слышишь? Почему ты молчишь?

– Потому что я не знаю, виноват Кешка или нет.

– Что?.. – такого поворота дела я не подозревала.

– Нет, ничего, это я так просто. Не слушай меня, совсем уже ничего не соображаю.

– Нет уж, подруга, признавайся, что ты имеешь в виду. Такие заявочки просто так не делаются.

– Ну ладно, раз уж ты работаешь на моего брата, мне кажется, ты должна знать это.

– Что это?

– Просто... Инна... ну та, которую убили... любила моего брата. Мне кажется, она была его любовницей.

– Ну и что из этого? Лучше скажи, из-за чего твой брат мог ее... ну, ты сама понимаешь.

– Не знаю, из-за чего. Мало ли причин. Может быть, она ему изменила.

– Ты же сама сказала, что Инна его любила.

– Ну да. В общем, я не знаю. Но Кешка такой замечательный! Он самый умный, самый... Ах, ты его просто не знаешь. Даже если он ее и убил, то он все равно не виноват. Она глупая, избалованная... Я ее терпеть не могла. Так ей и надо...

Ну, пошла истерика. Больше я уже не слушала. Все-таки у меня нет столько лишнего времени, сколько у Иры. Судя

по всему, она все так же продолжает оставаться домохозяйкой, поэтому теоретически можно болтать с ней до бесконечности. Но ради своего суперплатежного клиента я, конечно, должна ее притормозить.

– Ира... – остановила я словоизвержение подружки, – подожди, не горячись. Будем считать, что я не слышала от тебя таких крамольных речей. Ты меня поняла?

Мозги домохозяйки с многолетним стажем, наверное, в этот момент чрезвычайно напряглись, что я определила по вновь возникшей в трубке тишине. Очень уж сильно тишина контрастировала с только что прерванной мной гневной тирадой, направленной против Инны Гольстер.

– Ирина, послушай меня внимательно, – продолжила я, так и не дождавшись отклика. – Убитая девушка в твоих глазах может быть кем угодно, но ты не должна нигде и ни при каких обстоятельствах упоминать о том, что твой брат мог ее убить. Запомни как дважды два: твой брат чист. Я видела его в тот вечер, и я ему верю. И вообще я уверена, что он этого не делал. Договорились? Ну тогда пока, я тебе обязательно буду звонить. И ты тоже звони, если захочешь рассказать мне что-нибудь об Иннокентии.

Терзаемая сомнениями, я решила еще раз бросить свои магические «кости». Убедиться в том, что мне не следует подозревать собственного клиента во вранье и, соответственно, в совершении этого убийства, не помешает.

Я достала свое сокровище и уселась на диван. Торопить

судьбу я не собиралась. Когда берешь «кости» в руки, то на несколько минут нужно забыть о спешке и нетерпении. Наоборот, следует отбросить все посторонние и не имеющие отношения к делу мысли, сосредоточившись только на интересующем тебя вопросе. На этот раз он был таким: «Правда ли, что у Сомова были основания для убийства Инны Гольстер?»»

Результат гадания не просто удивил. Он меня ошеломил! Прежде всего из-за того, что в нем не было никакого подтекста и ни малейшей двусмысленности. Как обычно, выпала комбинация из трех чисел: 8+21+25. Это значит буквально следующее: «Научитесь пропускать мимо ушей необоснованные обвинения». «Кости» советовали мне не только игнорировать всякие сплетни и нелепые подозрения, касающиеся персоны моего клиента, но они еще настаивали на том, что обвинение Сомова в убийстве необоснованно! Это мне и нужно было узнать. Хотя я и сама только что уверяла, что считаю клиента невиновным, и к гаданию прибегла только ради того, чтобы подстраховаться. А все из-за Ирины, неожиданно заронившей в мою голову некоторые сомнения. Но теперь они полностью развеяны.

Одевшись поприличнее, я метеором выскочила из дома, села в машину и направилась в офис Гольстера. Здесь я намеревалась поболтать о том о сем с его сотрудниками, которые, как я надеялась, хорошо знают своего коллегу – Иннокентия Сомова.

В нашем Тарасове Фабричный район считается одним из самых неблагополучных и, выражаясь языком коллег-милиционеров, криминогенных районов города. Но, несмотря на это, именно здесь находится очень много крупных фирм и предприятий, названия которых уже несколько лет на слуху. О фирме «Стартел» я ничего не слышала, а это значило для меня только одно – она довольно небольшая и существует сравнительно недавно. По крайней мере, имени ее директора еще не было в моем черном списке, то есть я не встречала его ни в одном преступлении, которое мне приходилось раскрывать за годы своей частноразыскной деятельности и сыщицкой жизни.

Но оказалось, что найти «Стартел» совсем несложно и что я недооценила эту фирму. Как только я начала приближаться к Фабричному району, на обочинах стали возникать огромные плакаты, восхваляющие эту организацию, ее услуги и товары. Огромная телефонная трубка в руках девицы с лошадиной улыбкой – отличительная черта всех рекламных щитов «Стартела». Лихо проехав последний плакатик – более скромного размера, чем все остальные, – сообщавший, что нужная мне организация находится в пятидесяти метрах, я умерила свою прыть и плавно подкатила к крыльцу пятиэтажного, недавно отреставрированного здания.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.